

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ*

В данной статье рассматривается процесс формирования собственности религиозных организаций в постсоветской Бурятии. Автор выделяет факторы, влияющие на получение и закрепление за религиозными организациями имущества в изучаемый период. Это было вызвано, во-первых, усилением тенденций десекуляризации в постсоветский период. Возрождение религии, противопоставленное советскому секуляризму, дало возможность религиозным организациям свободно действовать, и, в том числе, формировать собственную материальную базу. Встраивание культовых сооружений в символическое пространство Бурятии — это отражение общих антисекулярных тенденций. Во-вторых, определяющую роль в создании религиозной собственности сыграло государство. Оно определило правила, согласно которым происходило наращивание имущества религиозных организаций. Государство не только определило нормы, регулирующие процесс создания религиозной собственности, но и напрямую участвовало в этом. Религиозная собственность частично создавалась на бюджетные деньги, которые вкладывались в строительство. Кроме того, большей частью недвижимости, которая сейчас находится в руках религиозных организаций, изначально владело и распоряжалось государство. Государственная собственность передавалась им на безвозмездной основе. Сейчас она находится в полной собственности религиозных организаций или на правах пользования. Это обстоятельство оказало сильное воздействие на изучаемый процесс. Постепенное упорядочивание отношений по поводу религиозной собственности привело к разделению религиозных организаций по степени лояльности к государству. На протяжении всего изучаемого периода собственность оставалась инструментом влияния государства на церковь. Исследование опирается на архивные документы, нормативно-правовые акты, материалы официальных сайтов.

Ключевые слова: *собственность, религия, десекуляризация, государство, постсоветская Бурятия.*

Процесс десекуляризации собственности характерен почти для всего постсоветского пространства, где на протяжении семидесяти лет реализо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Религиозная ситуация во Внутренней Азии: проблемы постсоветских трансформаций), проект № 13-33-01260.

Белькова Анастасия Анатольевна — преподаватель Бурятского государственного университета, Улан-Удэ (afan-project@mail.ru)

Belkova Anastasia — lecturer, Buryat State University, Ulan-Ude (afan-project@mail.ru)

вывался проект принудительной секуляризации, который явился причиной антисекулярных тенденции во время религиозного подъема 1990-х гг. Редкие работы по проблеме формирования религиозного имущества акцентируют внимание на проблеме реституции (см.: Blacksell, Born 2002; Mitrokhin 2009: 293–296), упуская из вида создание религиозными организациями новой недвижимости. Нам интересен процесс перехода собственности к религиозным организациям, ее новое символическое содержание, социальные контракты между обществом, государством и церковью, и то, каким образом соотносятся ожидания общества и государства с действиями религиозных организаций. Территориально исследование ограничено пространством республики Бурятия, это обусловлено поликонфессиональностью и полиэтничностью региона, благодаря чему у нас есть возможность для более обширного анализа. Мы можем сравнить ситуацию возрождения религиозных традиций буддизма, ислама, православия, «нетрадиционных» религий.

Проблема формирования религиозной собственности ставит нас перед дилеммой выбора языка описания этого явления. Изучаемый нами вопрос требует обращения сразу к нескольким аналитическим моделям. Теория десекуляризации вписывает исследуемые нами процессы в общий контекст религиозных изменений на постсоветском пространстве. Она связывает появление религиозной собственности с религиозным возрождением. Новый институционализм (Флигстин 2001), в свою очередь, позволяет анализировать формальные и неформальные нормы взаимодействия между государством и религиозными организациями в сфере создания религиозной собственности, а также конвенциональные представления о них. Данная работа основана на анализе архивных документов, нормативно-правовых актов, материалов включенного наблюдения, публикаций в средствах массовой информации Бурятии, в интернет-пространстве: на официальных сайтах религиозных организаций, государственных органов, в социальных сетях, блогах религиозных деятелей.

Религиозная собственность: основные определения

В представленном исследовании мы вводим в оборот три ключевые категории, которыми мы будем оперировать: «религиозная частная собственность», «бенефиции» и десекуляризованная собственность. Необходимо отметить, что мы не выстраиваем классификацию религиозной собственности, а лишь даем определения понятиям, используемым в данном исследовании. Учитывая многообразие изучаемого феномена собственности религиозных организаций, мы выделяем некоторые его атрибуты, которые в какой-то степени наиболее содержательно его характеризуют. В данном контексте важен, как уже говорилось, не классификационный, а номинационный аспект, определяющий некоторые признаки, критерии понимания феномена религиозной собственности в постсоветской Бурятии.

Религиозная частная собственность. Эта категория подразумевает имущество религиозных организаций, юридически находящееся в частной собственности, в смысле полной формы присвоения.

Бенефиции* — так мы определяем имущество, предоставленное религиозным организациям на правах пользования, но по-прежнему находящееся в государственной или муниципальной собственности. Существование этого вида тесно связано с наличием определенного социального контракта между органами государственной власти и религиозными организациями. Он подразумевает предоставление привилегий со стороны государства в обмен на лояльность религиозных объединений.

Наконец, в статье будет использовано понятие **десекуляризованной собственности**. Под десекуляризацией понимается процесс, противоположный секуляризации и выражающийся в религиозном возрождении, которое является реакцией на предыдущие и/или сопутствующие процессы секуляризации. Он проявляется как комбинация следующих тенденций: сближение ранее секуляризованных институтов и религиозных норм, как формальных, так и неформальных; возрождение религиозных верований и практик; возвращение религии в публичную сферу (деприватизация); возрождение религиозного содержания в различных подсистемах культуры (Капов 2010: 239). Соответственно, под десекуляризованной собственностью мы понимаем собственность (землю, здания), подвергнутую анти-секулярным преобразованиям, наделенную религиозными смыслами. К десекуляризованной собственности могут быть отнесены и религиозная частная собственность, и бенефиции, но она не равна их сумме.** Прежде чем приступить к рассмотрению религиозной собственности в современной России, необходимо дать краткий обзор ее трансформаций в советский период.

Существовала ли религиозная собственность в советской Бурятии?

В 1930-е гг. в Бурятии были закрыты все храмы, а помещения уничтожены либо переданы для использования в нерелигиозных целях. Большинство деревянных построек не выдержали эксплуатации в качестве складов, скотобоен, столовых и были разрушены. Каменные здания сохранились лучше. Именно поэтому в Бурятии были почти полностью уничтожены

* Бенефиции — это земельные пожалования в средневековой Западной Европе, передаваемые в пожизненное пользование при условии лояльности и несения службы королю. О понятии бенефиций см. у М. Вебера, который определял их как пожизненное, непередаваемое вознаграждение в обмен на реальные или предполагаемые услуги (Weber 1978: 1073).

** Возможно существование религиозной собственности, не подвергнутой десекуляризации (например, купленный религиозной организацией участок земли, на котором еще не начато строительство).

дацаны,* разрушена деревянная мечеть, но сохранились православные церкви и синагога.

Описывая религиозную ситуацию в советской Бурятии, исследователи обычно подчеркивают случаи ослабления давления со стороны государства, выразившиеся в открытии в 1945 г. Иволгинского дацана «Хамбын Сумэ», Вознесенской православной церкви в г. Улан-Удэ, а в 1946 г. Успенской православной церкви в г. Кяхта. Но в то же время нельзя утверждать, что в Советском Союзе существовала религиозная собственность. Все указанные выше случаи — это примеры вынужденной передачи имущества в связи с частичной легализацией религии. Государство предоставило возможность некоторым религиозным организациям действовать в легитимном пространстве для того, чтобы более эффективно контролировать религиозную ситуацию в республике, и имущество являлось инструментом этого контроля. В советское время пространство оставалось секулярным. Более того, на территории храмов зачастую велась атеистическая пропаганда. На государственном уровне был выработан механизм социального исключения верующих. Преимущественно контингент посетителей-прихожан состоял из представителей старшего поколения** (Бадмаев 1998: 40). Были ограничены возможности создания религиозных атрибутов (например, на церквях не разрешалось устанавливать колокольни, а в дацане — хурдэ — молитвенные барабаны).

В ходе основания Иволгинского дацана буддийской общине было отдано здание бывшего молельного дома (помещение с 1931 г. никак не использовалось), то есть уже существующее строение. Отсутствие подобных условий стало основанием для отказа в открытии Цонгольского и Цолгинского дацанов на территории Бурят-Монгольской АССР (Из истории... 2001: 115). Вознесенская церковь на момент передачи требовала капитального ремонта: это был полуразрушенный деревянный дом без дверей, окон и полов. Успенская церковь несколько раз переходила из рук в руки: в 1962 г. она была отдана местному техникуму, с 1969 г. по 1973 г. здание не использовалось, затем было передано на баланс Министерства культуры Бурят-

* Дацан (тиб.) — первоначально в ламаизме (тиб., монг., бур., калм.) название факультета (отделения) учебного заведения при монастыре. Позднее в бурятском ламаизме дацан стал названием самого монастыря (Буддизм: Словарь 1992).

** Из справки уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров БАСССР М.М. Мулонова: «Постоянными посетителями храма Русской православной церкви «Вознесения» являются люди преклонного возраста, в основном женщины. Отдельными молодыми родителями продолжают крещения своих детей. <...> Отцы таких детей стараются оставаться в «тени» и отправляют на обряд крещения своих жен. Мотивируется это различными, подчас фиктивными причинами (служба в армии, длительная командировка, болезнь и т. д.), а некоторые молодые мамы посылают в церковь бабушек, тетушек или крестят в других городах, будучи в отпусках» (Из истории... 2001: 167).

ской АССР. Тамчинский дацан имел неопределенный статус в течение нескольких лет. В 1957 г. вышло распоряжение Совета министров РСФСР о передаче здания Духовному управлению буддистов и о выделении 250 тыс. рублей на его восстановление (Там же: 127). Однако в 1966 г. вышел новый документ, в котором Совет Министров БАССР постановил передать здание Духовному управлению буддистов (вторично) и разрешил открыть там музей буддийской культуры (Там же: 148).

В советское время имущество религиозных организаций являлось инструментом религиозной политики, а отношения в рамках этой системы между государством и религиозными организациями характеризовались только установлением тотального контроля над последними. С юридической точки зрения религиозной собственности не существовало, передача зданий не была равносильна переходу государственной собственности в частную собственность религиозных организаций. Для данного исследования важнее то, как менялись нормы, регулирующие право обладания религиозными объединениями имуществом на протяжении советского периода. Если в 1940-е гг. владение имуществом для религиозных организаций было равносильно абсолютному подчинению государству, которое таким способом упорядочивало, регулировало, контролировало, управляло религиозным пространством региона, то в позднесоветское время повышается авторитет религии. Нормы постепенно трансформируются. С конца 1980-х гг. меняется политика государства в отношении церкви, а вместе с тем меняется и ситуация в сфере собственности. Именно на это время приходится начало процесса формирования религиозной собственности в ее современном виде. В 1989 г. Успенская церковь г. Кяхты передается в аренду обществу Русской православной церкви (Там же: 171), в 1990 г. решается вопрос о выделении земельных участков под строительство дацанов в Джидинском и Кижингинском районах (Там же: 172), обществу Русской православной церкви также передается здание Благовещенской церкви в с. Байкало-Кудара.

Религиозная собственность в 1990-е гг.: множественность путей формирования

Следствием децентрализации власти в 1990-х гг. и делегирования полномочий на местный уровень стало отсутствие единообразных норм, точнее, конкретных законов, регулирующих отношения в основных сферах жизни общества. Это привело к тому, что в каждом конкретном случае формирования религиозной собственности возникала своя нормативная система, регулирующая данный процесс. В этот период государство выступало как множество агентов-суверенов, принимавших решения в соответствии со своими представлениями о нормах участия государства в создании религиозной собственности. Отсутствие централизованной политики на федеральном уровне в этом вопросе только усиливало тенденцию к повышению

значимости личных, клановых и земляческих отношений и к установлению локальных взаимодействий создания / получения / передачи собственности. Представители органов власти, равно как и главы землячеств, стремясь усилить свой авторитет и получить поддержку от религиозных структур, выступающих от лица конкретной этноконфессиональной группы, оказывали поддержку тем или иным религиозным организациям. Распределение собственности и помощь в ее создании являлись инструментами этой поддержки. После посещения Президентом России Б.Н. Ельциным Бурятии в мае 1992 г. из федерального бюджета было выделено 5 млн руб. для реставрации Байкало-Кударинской церкви и 10 млн руб. для ремонта Тамчинского дацана, а Министерство финансов России выделило для строительства буддийского комплекса на Верхней Березовке в 1992-1993 гг. в общей сложности 165 млн руб. (Из истории 2001: 176).

Таким образом, решения об участии государства в создании религиозной собственности принимались внутри локальных сообществ и зависели от агентов-суверенов на местах. Рассмотрим пример строительства православной церкви в селе Багдарин, который наглядно это демонстрирует. В 1999 г. местной администрацией в селе была выделена молельная комната для русской православной церкви, в 2001 г. была отведена территория под церковь. Решение о государственной поддержке строительства церкви принималось на уровне личных взаимоотношений в неофициальной обстановке: *«В 2003 г. во время рождественского поста к нам приехал владыка Читинский и Забайкальский Евстафий с протоиереем Олегом Матвеевым для решения этого вопроса с местной администрацией. Разговор состоялся в дружеской обстановке за трапезой и было принято решение о строительстве Свято-Петропавловской церкви»* (Староста Свято-Петропавловского прихода).

Основную поддержку строительству в Багдарине оказали глава района и председатель родовой общины эвенков,* занимающейся разведением оленей, добычей нефрита и пр. (основа экономики района). Таким образом, стройке содействовали и со стороны администрации (передача земли, работа над архитектурным проектом, административная поддержка), и со стороны бизнеса (строительство велось на средства общины Далыча, силами ее членов). Этот случай типичен для периода 1990-х — начала 2000-х гг. В п. Усть-Баргузин администрация в 1994 г. выделила в Доме культуры комнату, а в 1995 г. безвозмездно отдала здание детского сада с земельным участком и постройками. В 1996 г. мэр г. Улан-Удэ передал Свято-Троицкому храму территорию прилегающего к нему городского сада. В п. Джиды в 1998 г. администрация передала здание библиотеки под молельный дом,

* В то время Председатель общины «Далыча» и глава Баунтовского района состояли в близких родственных отношениях (родные брат и сестра) (Проскуряков 2010).

а затем в этом же году РПЦ был отдан и земельный участок под зданием вместе с прилегающей территорией с последующей выдачей свидетельства о праве собственности. В с. Новая Брянь в 1992 г. администрация выделила православной церкви 3 гектара земли. В начале 1990-х гг. личный дом хамбо-ламы Агвана Доржиева* (единственная сохранившаяся постройка от Хандагайтайского или Аршанского дацана) был передан местными властями буддистам. А в 1991 г. еще Правительство Бурятской АССР и Улан-Удэнский городской Совет народных депутатов вынесли постановление об отводе земельного участка в 20 гектаров в элитном пригородном районе «Верхняя Березовка», где предполагалось построить целый комплекс: резиденцию хамбо-ламы, квартиры священнослужителей, центр тибетской медицины, гостиницу и пр. В селе Петропавловка местные власти помогли лютеранам (Библейской лютеранской церкви, с 2003 г. Сибирской евангелической лютеранской церкви) построить свое здание, обратив внимание на активную социальную работу лютеран в селе (Атлас... 2005: 83).

Множество слабо контролируемых автономных государственных агентов, в лице глав муниципальных образований, политических деятелей, а также отсутствие универсальных норм породили многообразие схем приобретения объектов собственности религиозными организациями. Во-первых, в 1990-е гг. государство передавало недвижимость религиозным организациям в частную собственность. В 2000-е гг. подобные действия стали невозможными, поскольку законодательно была закреплена процедура отчуждения государственного имущества через торги. Во-вторых, религиозные организации имели возможность самостоятельно приобретать недвижимость. Однако в 1990-е гг. эта практика имела свои особенности. Участие государства в создании новых объектов религиозной собственности было обычным явлением. Общество и религиозные организации, встраиваясь в эту систему, обращаясь к государству, обращались к конкретным политическим деятелям. С начала 1990-х гг. возросло число таких обращений от священнослужителей и инициативных групп верующих к депутатам Народного Хурала, Президенту Республики Бурятия и Президенту РФ с просьбами о материальной помощи (Из истории... 2001: 176). Приведенный ниже отрывок из письма священнослужителей Кижингинского дацана, адресованного Председателю Народного Хурала, иллюстрирует это: *«Просим Вас, дорогой Михаил Иннокентьевич, внести в это великое дело и свой посильный вклад. Надеемся, что Вы сможете найти через спонсоров на продолжение строительства Ступы цемента — 24 т, кирпича — 100 тыс. штук на 1997 г.»* (Из истории 2001: 182).

В-третьих, государственное имущество передавалось религиозным организациям в долговременное пользование на правах безвозмездной аренды с варьирующимися дополнительными условиями (например, с возмож-

* Агван Доржиев (1853–1938) — буддийский религиозный деятель.

ностью капитального строительства). Итак, различными путями с помощью государства религиозные организации в 1990-е гг. приобрели недвижимость, права на которую, так или иначе, были юридически закреплены. И вся эта собственность является совокупностью двух видов: религиозной частной собственности и государственной собственности, переданной на правах пользования.

На пути к формированию бенефиций

Создание религиозной частной собственности в 2000-е гг. продолжилось с некоторыми изменениями. Государственная политика централизации, усиления контроля, ограничения власти местных органов и развития законодательства ликвидировала практику безвозмездной передачи государственного имущества в частную собственность. Однако религиозные организации по-прежнему имели возможность самостоятельно приобретать землю и строить на ней культовые сооружения. Так в г. Улан-Удэ появилось множество небольших дацанов, принадлежащих разным буддийским организациям.

При этом в 2000-е гг. собственность, переданная религиозным организациям на правах безвозмездного пользования, переходит в категорию бенефиций. Использование этого термина при рассмотрении современной ситуации обусловлено ее сходством со средневековыми практиками взаимоотношений государства и церкви относительно владения собственностью на правах пользования. Современные религиозные организации под контролем органов власти начинают реализовывать социальную политику по воспитанию молодежи, борьбе с наркоманией, преступностью, абортми, патриотическому воспитанию и т. д. В обмен на это им предоставляется право использовать государственное имущество.

У организаций, не встраивающихся в подобные отношения, собственность (предоставленная на правах пользования) изымается, даже если они осуществляют социально-ориентированную деятельность. Так произошло с местной общиной кришнаитов. В январе 1992 г. на территории Бурятии начало свою деятельность религиозное общество сознания Кришны. В 1995 г. они открыли дочернее благотворительное общество «Пища для жизни» (имеющее целью раздачу вегетарианской пищи нуждающимся). Администрация г. Улан-Удэ выделила им помещение бывшего детского сада в центре города, часть помещения был отведена под храм. За время своего существования эта организация провела несколько тысяч программ раздачи бесплатных горячих обедов для детей, инвалидов, пенсионеров, лиц без определенного места жительства, регулярно раздавались обеды в нескольких школах Улан-Удэ. Комитетом по социальной политике Администрации г. Улан-Удэ был заключен договор с «Пищей для жизни» о социальном партнерстве, в рамках которого волонтеры организации были обязаны участвовать в социальных акциях администрации. Однако в 2006 г.

на сессии Городского совета депутаты включили в план приватизации городского имущества здание, отданное кришнаитам. В итоге помещение было изъято, деятельность благотворительной организации прекращена, а религиозная организация «Улан-Удэнское общество сознания Кришны» сейчас зарегистрирована по адресу частной квартиры.

Инструментом давления может стать не только собственность, переданная на правах пользования, но и религиозная частная собственность. Показателен пример строительства буддийского центра алмазного пути школы Карма Кагью. Религиозное течение, которого придерживается Ассоциация буддийской школы Карма Кагью, относится к необуддизму — модернистским и реформаторским течениям в буддизме, направленным на приспособление традиционных форм вероучения, культа и организации к современности (Балагушкин 2002: 136).^{*} В 2007 г. Комитет по управлению имуществом Администрации г. Улан-Удэ выделил участок для строительства зданий для общественной организации «Золотая охота и рыбалка Бурятии» по соседству со строящимся буддийским центром. В итоге новая стройка перекрыла проезд к будущему центру школы Карма Кагью, кроме того, возник земельный спор. Судебные разбирательства по этому вопросу продолжаются уже в течение шести лет. Но существует и проблема нарушения символического пространства религиозной организации. «Золотая охота и рыбалка Бурятии» строит ресторан, гостиницу и сауну в непосредственной близости от буддийского центра. Эта ситуация вызвала негативную реакцию у верующих: *«На мой взгляд, поразителен сам факт строительства развлекательного комплекса в непосредственной близости от буддийского центра. Стало невозможным продолжать благоустройство. Как устанавливать молитвенные барабаны и ступы, если на них могут упасть контрацептивы или бутылки из окон соседнего здания? Это безобразие недостойно буддийской республики»* (Золотарев 2012).

Таким образом, во взаимоотношениях государства и религиозных организаций на первый план выходит понятие лояльности. К категории лояльных относятся крупнейшие «традиционные»^{**} религиозные объединения, выступающие от лица этноконфессиональной группы. Мечеть в Улан-Удэ

^{*} Буддийская традиционная сангха России придерживается позиции школы гелуг (Жуковская 1997: 6).

^{**} Официальные документы не содержат понятия «традиционных» / «нетрадиционных» религий. Однако косвенно государство поддерживает этот дискурс. Например, вышедший в 2011 г. при поддержке Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента и Правительства Республики Бурятия справочник подразделяет религии по этому признаку: «Под «нетрадиционными» религиями следует понимать религиозные комплексы, которые исторически не унаследованы, не укоренены в быту, культуре, а распространяются в результате миссионерской деятельности» (Религиозные организации... 2011: 66).

строилась в 2000-е гг. на частные пожертвования, но на участке земли, переданном администрацией города лояльной мусульманской общине (представляющей татар Бурятии) на безвозмездной основе. Взаимодействие с такими религиозными объединениями дает органам власти право заявлять о тщательной работе по межконфессиональным и межнациональным вопросам. Такие отношения могут даже быть официально закрепленными. К началу 2013 г. договоры о сотрудничестве заключили Министерство социальной защиты Бурятии и Буддийская традиционная сангха, местная иудейская религиозная организация и Бурятское Управление федеральной службы исполнения наказаний, Улан-Удэнская и Бурятская епархия и Министерство чрезвычайных ситуаций в Бурятии и др. И Буддийская традиционная сангха России, и Русская православная церковь, и мусульманская община согласно договорам оказывают помощь Службе судебных приставов Бурятии в работе с неплательщиками. В рамках подобных соглашений о сотрудничестве органы власти и религиозные объединения ведут общую целенаправленную работу: в 2011 г. ГИБДД Бурятии в сотрудничестве с РПЦ и БТСР провела серию акций по снижению аварийности на дорогах Улан-Удэ. Помимо того, что сотрудники инспекции напоминали водителям правила дорожного движения, православный священник окроплял святой водой остановленные автомобили, а ламы прямо на дороге проводили молебен.

Привилегии для лояльных религиозных организаций расширяются. В апреле 2012 г. заместитель Председателя Правительства Бурятии выступил с докладом о необходимости оказания им финансовой помощи. Уже в июне 2012 г. были приняты соответствующие поправки в Закон Бурятии о религиозной деятельности (О внесении изменений... 2012). Согласно им, государство финансирует благотворительную деятельность религиозных организаций (те самые социальные акции), предоставляет им налоговые льготы, оказывает финансовую, материальную помощь в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры. То есть снова, как в 1990-е гг., становится возможным расходование бюджетных средств на содержание собственности религиозных организаций. В Бурятии 34 объекта имеют официальный статус памятников религиозного значения, из них 3 находятся в религиозной частной собственности (Иволгинский дацан, Благовещенская церковь в Байкало-Кударе, Спасская церковь в с. Турунтаево), остальные переданы религиозным организациям на основании договора безвозмездного пользования (О ходе реализации... 2012). В муниципальных бюджетах Бурятии на 2013 г. уже заложены расходы по соответствующим статьям.

Десекуляризация собственности

Десекуляризация собственности связана с символическими актами наделения объектов собственности религиозным смыслом. Этот процесс осуществлялся посредством маркирования пространства новыми символами.

В ряде случаев подобные действия были связаны с получением собственности от государства. Например, в 1995 г. Президент Бурятии подписал указ о поэтапной передаче Одигитриевского собора Русской православной церкви (О поэтапной передаче... 1995). Поскольку собор имеет статус памятника федерального значения, то для окончательного решения о передаче требовалось согласование с Министерством культуры Российской Федерации. Но указ Президента Бурятии дал возможность Русской православной церкви развернуть свою деятельность в здании. В то время как музейные фонды были окончательно вывезены в только 2000 г., РПЦ еще в 1996 г. установила колокола, а в 1999 г. — крест на колокольню собора (Одигитриевский собор в Улан-Удэ: 21). Такие шаги позволили ускорить процесс принятия решения о передаче храма православной церкви. Противоположная ситуация сложилась вокруг каменного здания синагоги, лишённого каких-либо религиозных символов. Сейчас там располагается университетский корпус. Несмотря на то, что иудейская община постоянно заявляет о своих намерениях в отношении этого здания, оно до сих пор им не передано. Буддийская традиционная сангха (а ранее Центральное управление буддистов) в 1990-х гг. повсеместно строила ступы — небольшие культовые сооружения. Эта символическая маркировка пространства позволила закрепить за собою землю и в 2000-е гг. с ростом доходов дала возможность строить комплексы дацанов на этих местах.

В других случаях религиозным организациям выделялась типовая советская постройка, которая трансформировалась из светской в религиозную. Выделенное в 1995 г. Администрацией поселка Усть-Баргузин здание детского сада было частично разобрано, перестроено, к нему были добавлены купола и кресты.

В тех случаях, когда религиозным организациям передавались здания, изначально построенные как культовые, они несли на себе отпечаток советского времени. В самом факте передачи собственности религиозным объединениям на безвозмездной основе заложено отрицание значимости этого советского периода. Ресурсы, вложенные в это имущество, нивелируются, а память о советском этапе его существования уничтожается. Причина этого — распространение идеи нелегитимности изъятия собственности у религиозных организаций в советское время (Радаев 2001: 114), что и дает им право на ее возврат и помощь в реконструкции. Трансформация Свято-Троицкой церкви г. Улан-Удэ наглядно иллюстрирует эти процессы. В начале XX в. церковь окружало кладбище. В советское время кладбище превратили в городской сад, к зданию пристроили танцплощадку, а нем самом размещался склад. В 1988 г. помещение было передано Русской православной церкви, а затем в 1991 г. новый приказ Министерства культуры Бурятии закрепил это решение. Кроме того, в 1996 г. по решению мэра Улан-Удэ вся территория городского сада перешла Русской православной церкви. Стоит сказать, что городской сад находится в центре Улан-Удэ,

в престижном для проживания районе. Сквозь него, деля его пополам, проходит оживленная аллея. Еще в 1996 г. РПЦ огородила территорию вокруг храма до аллеи. Другая половина также принадлежит Свято-Троицкой церкви, но она ее не осваивает. В итоге сложился контрастный ландшафт: с одной стороны, законсервированное разрушающееся советское прошлое, с другой — религиозное настоящее. Со стороны церкви вырублено большинство деревьев, их место заняли кресты. С противоположной стороны еще сохранились советские памятники: Максиму Горькому, братская могила героям-красногвардейцам, павшим в боях за Верхнеудинск в августе 1918 г. Рядом с церковью также была расположена могила одного из организаторов партизанского движения в Прибайкалье Абрама Смолина. В 1979 г. на могиле установили памятник. В 2009 г. он был уничтожен. Органы внутренних дел вынесли постановление о причастности к этому настоятеля церкви, но в возбуждении уголовного дела отказали в связи с отсутствием состава преступления.

Десекуляризация пространства в случае освоения уже существующего здания (а не строительства нового) заключается не только в придании этому пространству религиозных смыслов: происходит сознательное уничтожение символов советской эпохи. Так прокомментировал сложившуюся ситуацию староста Свято-Троицкой церкви: *«Я знаю, что памятник был разрушен по указанию отца Олега. Мы, конечно, могли бы поспособствовать восстановлению памятника, но, понимаете, Абрам Смолин был в числе тех, кто в советское время разрушал церкви. И нам не очень хочется воздвигать ему памятник снова»* (Федотова 2012).

Символическое присвоение пространства является инструментом борьбы разных религиозных объединений за одну и ту же собственность. Русская православная церковь и Буддийская традиционная сангха России не конфликтуют, поскольку их интересы в сфере собственности не пересекаются. Напротив, они совместно с государством конструируют дискурс «межконфессионального мира и согласия, выработанного веками» (Послание Президента... 2011). Конфликты случаются между так называемыми «традиционными» и «нетрадиционными» религиями. Протестантская организация Ассоциации христианских церквей «Союз христиан» в селе Кодунский Станок Кижингинского района построила некрополь, воздвигла крест на месте предполагаемого захоронения ученика английской духовной миссии в Забайкалье (протестантских миссионеров XIX в.) и официально оформила права на эту землю. Однако в 2012 г. на этом же месте началось строительство буддийского культового сооружения, крест и надмогильная кладка были разрушены. Буддийская традиционная сангха, которой предположительно принадлежит эта стройка, государство и общество отказываются признавать как наличие конфликта, так и нанесение ущерба «Союзу Христиан». Это иллюстрируют приведенные ниже высказывания: *«Мы строим в селе “хурдэ” — молитвенный барабан. Строим совсем в другом месте.*

Не там, где указывает епископ» (представитель Буддийской традиционной сангхи России); *«Небольшой деревянный столб, ничем не огражденный, мог легко порушить домашний скот. На людей грешить не стоит»* (глава поселения); *«Домашние животные, конечно, ходят по селу. Они тоже внесли свою лепту. Но никак не люди»* (жительница села); *«Буддисты точно так же могут сказать, что на этом месте раньше был дацан. Я считаю, что надо уметь между собой договариваться»* (глава Комитета по межнациональным связям и межрелигиозным отношениям Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия) (Цит по: Ян 2012).

Действия буддистов позволили перевести имущественный конфликт в разряд межконфессиональных, поставить под сомнение юридическое право протестантов на эту землю и привлечь внимание государства и общества. Таким образом, десекуляризация собственности, полученной религиозными организациями, может быть направлена на стимулирование процесса передачи этой собственности, на борьбу с советскими символами, на борьбу с другими религиозными организациями. Но во всех этих случаях новые коды позволяют читать это пространство по-новому и закрепляют, легитимизируют сам процесс передачи или создания десекуляризованной собственности.

Сегодня в Бурятии сформировался крупный сегмент религиозной собственности. В него входит религиозная частная собственность и бенефиции, в которые трансформировалась государственная собственность, переданная религиозным организациям на правах пользования. На наш взгляд, этому способствовали следующие факторы: десекуляризация и этатизм.

Десекуляризация — один из основных трендов социальных трансформаций на постсоветском пространстве. Возрождение религии и ее социальных факторов, противопоставленное советскому секуляризму, дало возможность религиозным организациям свободно действовать, и в том числе формировать собственную материальную базу. Этому содействовала активная поддержка общества, достаточно вспомнить такой феномен, как «народные стройки». Рост количества материальных объектов, связанных с религией, — это признак увеличения важности религии для населения территории (Кагров 2010: 247). Таким образом, встраивание культовых сооружений в символическое пространство Бурятии — это отражение общих антисекулярных тенденций.

Еще один важный фактор — роль государства: оно являлось одним из основных агентов десекуляризации. Именно государство сыграло главную роль в процессе формирования религиозной собственности. Оно не только определяло нормы, упорядочивающие процедуры создания религиозной собственности, но и участвовало в этом напрямую, вкладывая бюджетные деньги в строительство, безвозмездно предавая религиозным организациям государственную собственность. Постепенное упорядочивание отношений

по поводу религиозной собственности привело к разделению религиозных организаций по степени лояльности к государству. На протяжении всего изучаемого периода собственность оставалась инструментом влияния государства на церковь.

Литература и источники

Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1. М.: Летний сад, 2005.

Бадмаев А.А. Буддийские дацаны и буряты: прошлое и настоящее // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы междунар. симпоз. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 36–41.

Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. М.: ИФ РАН, 2002.

Буддизм: Словарь / Под общ. ред. Н.Л. Жуковской, А.Н. Игнатовича, В.И. Корнева. М.: Республика, 1992.

Жуковская Н.Л. Возрождение буддизма в Бурятии: Проблемы и перспективы. М.: ИЭА РАН, 1997.

Золотарев В. Земельно-теологический спор // Газета «Номер один». 07.03.2012.

Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: сб. документов / сост. С.Г. Аюшеева, М.Г. Бухаева, Н.К. Сафонова и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2001.

Одигитриевский собор в Улан-Удэ // Православная газета Екатеринбург. 14.05.2012, 19 (676) [<http://flipper.pressa-online.com/issue.aspx?aid=225a6b03-4766-41c0-916e-2e795a1b9f8e&iid=43937#page=1&kw=>] (дата обращения: 25.08.2014).

О внесении изменений в Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. № 610-1 «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия». Закон Республики Бурятия от 09.07.2012 N 2839-IV.

О поэтапной передаче Православной церкви кафедрального собора Свято-Одигитриевской Божией матери. Указ президента Республики Бурятия от 1 августа 1995 г.

О ходе реализации закона Республики Бурятия «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия». Постановление Народного Хурала Республики Бурятия от 24 апреля 2012 г. № 1507-IV.

Послание Президента Республики Бурятия к народу Республики Бурятия и Народному Хуралу Республики Бурятия от 26.04.2011 // Официальный сайт Президента Республики Бурятия Наговицына В.В. [http://glava.govrb.ru/see-news/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=3531&cHash=fe9605823da1dc7ef8b659d08e38f861] (дата обращения: 25.08.2014).

Проскураков В. Люди золотого Баунта. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2010. [http://fond-tatiana.ru/ludi_048] (дата обращения: 25.08.2014).

Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии, 2001, 4 (3), с. 109–130.

Религиозные организации Республики Бурятия: словарь-справочник / С.В. Васильева и др. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011.

Федотова Д. Служители церкви в Улан-Удэ уничтожили могилу партизана Смолина // Новая Бурятия. 07.10.2012.

Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология, 2001, 2 (4), с. 28–55.

Ян А. Скандальное интервью главного протестанта Бурятии едва не вызвало конфликт // Информ-полис. 19.10.2012.

Blacksell M., Born K.M. Private Property Restitution: The Geographical Consequences of Official Government Policies in Central and Eastern Europe, *The Geographical Journal*, 2002, 168(2), pp. 178–190.

Karpov V. Desecularization: A Conceptual Framework, *Journal of Church and State*, 2010, 52(2), pp. 232–270.

Mitrokhin N. The Russian Orthodox Church in Contemporary Russia: Structural Problems and Contradictory Relations with the Government, 2000–2008, *Social Research*, 2009, 76(1), pp. 289–320.

Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978.